

Секция 3.5. Социология культуры.

СТЕЦЕНКО Д.А.

*курсант, Ростовского юридического института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации*

**КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ В
ПРАВОСОЗНАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА**

В последние десятилетия, в связи с ускорившейся глобализацией, дискурс, связанный с идентичностью, стал особенно популярен. Появляется множество работ, посвященных как самой идентичности в различных её характеристиках, так и кризису идентичности, ставшему общим местом в рассуждениях о постапокалиптическом обществе, каким представляется многим мыслителям современный мир.

Однако, популярность темы идентичности, конечно, не надумана. XIX век ознаменовался формированием национальных государств, колонизацией и борьбой за права народов. В таких культурно-исторических условиях было создано множество предпосылок для интеграции этносов и их самоидентификации. Можно ли сказать, что европейцы эпохи Просвещения или Возрождения переживали кризис идентичности? Однако, в последние два столетия мировая ситуация резко изменилась: Россия колонизировала Кавказ, Британия продлила границы своего владычества на восток, Франция на юг, и именно в период колонизации возникают первые попытки самосознания народа. Те же процессы происходили и с народами-завоевателями древности – сталкиваясь с другими культурами, они стремились как можно более отличаться; таким образом, ещё один вектор формирования идентичности направлен и внутрь самосознания самих метрополий.

Процесс формирования коллективной идентичности был показательно описан выдающимся отечественным историком, социологом, психологом и философом Борисом Федоровичем Поршневым. В работе

«Социальная психология и история» ученый анализирует становление понятий, связанных с коллективной психологией и формирование собственно этой сферы психологии.

Придерживаясь диалогической теории идентификации, Поршневы выделяют две основные категории, позволяющие формироваться идентичности: «Мы» и «Они». «Но как же все-таки в сознание индивида попадает целая общность? Представим себе две первобытные группы — родовые или племенные. Если бы они никогда не встречались друг с другом, каждый индивид в группе «А» и не ощущал бы, что он принадлежит к какой-то общности. Как они не отличались друг от друга внутри нее, так они не отличали себе подобных от каких-либо иных.

Каким же образом происходит формирование коллективного «Я»? Основополагающее влияние здесь оказывают процессы суггестии и контрсуггестии (послушания и сопротивления внушению). Ребенку с самого рождения внушают правильные, то есть социально одобренные и адаптированные модели поведения, стимулируя его к их выполнению и наказывая за нарушения. Но ни один проект воспитания, ни одна модель еще не была способна, и это невозможно в принципе, создать «правильных», одинаковых людей.

Несомненно, правосознание существенно варьируется у отдельных социальных групп, зависит от степени их криминализации и пр. Иначе, если обратиться к кросс-культурным исследованиям, то мы увидим множество примеров тому, как правосознание коррелирует с менталитетом.

Кросс-культурные исследования, или культурная антропология, стали популярны в США в первой половине XX века. Одним из выдающихся ученых, оставивших фундаментальный труд по изучению национального характера, была Рут Бенедикт. В своей работе «Хризантема и меч. Модели японской культуры», впервые опубликованной в 1946 году в США, она вводит новый критерий для классификации культур в

отношении их к социальному контролю – культуры вины и культуры стыда.

Культура стыда – модель культуры, в которой центральное значение придается переживанию стыда и позора. Здесь важнейшим регулятором поведения становится мнение окружающих, В японской культуре принадлежность к группе имеет большее значение, чем сохранение индивидуальности, и главным механизмом социального контроля является чувство стыда, которое воспитывается с раннего детства путем апелляции к общественному мнению, высмеивания и бойкота. Культура стыда основывается на боязни внешних санкций, и поэтому это культура внешних переживаний. Для японцев стыд - источник добродетели. Японская пословица гласит: «Кто чувствует стыд, тот чувствует и долг».

В культуре вины поведение человека оценивается им самим на основе системы универсальных ценностей, интериоризированных и ставших затем основой для внутренней самооценки поведения и внутреннего переживания вины. Общество, по определению Р. Бенедикт, где предписываются абсолютные критерии морали, которое зиждется на воспитании совести у каждого его члена, представляет собой «культуру вины». Стыд переживают перед кем-то, а вину наедине с собой.

Итак, приведенные выше культуры демонстрируют разные подходы к восприятию социального контроля – жесткий внешний контроль в культурах стыда и усиленный самоконтроль в культурах вины. Следует ещё выделить культуру страха, в которой регулятором поведения является не внутренний контроль, и не боязнь осуждения, а страх перед законом при значительном игнорировании морали. Ю.М. Лотман в работе «О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры» отмечает, что страх первоначально существовал в человеческом коллективе как единственный механизм принуждения, но с развитием общества приобрел дополнительную функцию по отношению к стыду. Однако, современное общество во многом воспроизводит характеристики именно культуры

страха, в которой индивида останавливает боязнь неотвратимого наказания со стороны закона, но вовсе не чувство вины, которое будет вызвано совестью, и не стремление избежать осуждения окружающих.

Эти формы регуляции поведения индивидов заложены глубоко в структуре психики, составляя ядро идентичности – жесткий и не обсуждаемый контроль – и формируют особые типы правосознания.

Правосознание в культурах стыда можно рассмотреть на примере японского общества. Японец глубоко отождествляет себя со своим государством, считая, что своими личными действиями может причинить вред или принести пользу своей стране. Эта личная ответственность формирует тип правосознания, в котором гражданин стремится соблюдать законы для того, чтобы поддержать свою национальную и культурную идентичность, подчеркнуть свою принадлежность к народу.

Показательный пример высокого правосознания приведен в романе Бориса Акунина «Алмазная колесница»: «Сирота перевел, но гораздо длиннее, чем было сказано, а в конце вдруг выкинул фокус: достал из кармана два флажка, российский и японский[...], и проделал с ними странную манипуляцию – трехцветный поднял высоко-высоко, а красно-белый наклонил.

Правосознание в культурах вины основано на постоянном внутреннем контроле и самоанализе. Культуры вины – это культуры, в которых понятие «вины» тесно переплетено с понятием «греха». Принадлежащие к этой культуре индивиды стремятся не нарушать божественных запретов, которые, конечно, не вступают в противоречие с установлениями закона. Аргументация в культурах вины строится на том, что человек не нарушает законы из-за нежелания испортить карму, потерять свою бессмертную душу или быть наказанным в посмертном существовании.

Культуры страха – это атеистические культуры, в которых не действует религиозная аргументация, а также ослаблен социальный

контроль со стороны окружающих людей. Это культура больших городов. Ещё Аристотель писал, что, когда население города становится таким большим, что каждый уже не знает каждого, человек становится анонимен и ослабевают чувство внешнего контроля. В культурах страха образуется минимальный уровень самоидентификации, индивид отказывается считать себя частью целого – как культурного, так и национального, это культуры эгоистические. Правосознание в таких культурах наиболее ослаблено, и уровень преступности традиционно высок.

Правосознание – это одна из важнейших составляющих национальной и культурной идентичности. Отношение индивида к праву – это отношение его к своей общности, нормам её поведения и культуры. Высокая степень идентификации со своей культурой способствует формированию чувства патриотизма. Соблюдение же законов, осознание своей ответственности, ощущение себя не индивидом, но гражданином, формирует и высокий уровень самоидентичности.

Литература:

1. Аристотель. Политика // Сочинения в 4-х томах. М., Мысль, 1983.
2. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. — М.: Наука, 2007.
3. Лотман Ю.М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2000.С.664-666.
4. Поршнев Б.Ф. Соц. психология и история.- М., 1968.
5. Вакула И.М., Зубарева А.В. Правосознание как фактор формирования национальной и культурной идентичности // РЮИ МВД РФ, научная публикация 2015 г.